

18+

Наталья Назарова

Мама

Наталья Назарова

Мама

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42541060

ISBN 9785449672285

Аннотация

Героиня узнаёт, что её мама умрёт через три-четыре месяца. Шок, предательство близких, невозможность жить дальше, и как всё это пережить. Эта книга открывает внутренний мир человека, переживающего горе. Книга содержит нецензурную брань.

Мама

Наталья Назарова

© Наталья Назарова, 2019

ISBN 978-5-4496-7228-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда мама уезжала с старшей сестрой в этот отпуск мы с моей средней сестрой поддерживали маму, провожая. Надо было уже тогда обо всем догадаться. Маме было очень трудно туда ехать. Последние недели она мало выходила из дома, ее розовый халат повис на ней, ей тяжело было двигать кресло...

После того, как мы проводили маму, Женя, моя средняя сестра, уехала со своим молодым человеком и, видимо, ночевала у него – передо мной она не отчитывалась. Я классно проводила время, встречалась со своим парнем Антоном и устраивала вечеринки.

Потом Женя приехала и сказала, что мама упала в отпуске, сломала шейку бедра, и ее надо забрать, сказала, чтобы я убрала квартиру, а сама поехала за ней.

Сейчас я понимаю, насколько плохо тогда соображала, насколько редко открывала глаза, чтобы увидеть, как невнима-

тельно была к деталям и мелочам, которые всё делали явным.

Я гладила белье когда по часам их поезд уже должен был приехать. Они задерживались. Приехала Лена, моя старшая сестра, я ее накормила. Она была в гневе и кричала, что больше не поедет отдыхать с мамой, как будто мама ей весь отдых испортила. Лена необычная девушка, особенная. Меня глубоко задела ее слова, но ей это бесполезно говорить. Она поела и легла спать.

Мама приехала еще только через несколько часов. Я сошла вниз – требовались одеяла и моя помощь. Мама не могла идти – надо было на одеялах поднять ее в лежачем положении на 4 этаж без лифта. Именно тогда, когда мы ее несли, мы впервые и встретились взглядом. Она глазами немного извинялась, что все так получается, и была рада меня видеть.

Дома мы помогли маме раздеться. Когда мы помогли маме снять лифчик, я вздрогнула – на груди у нее были 2 фиолетовые шишки. Мама посмотрела на меня, взглядом успокаивая: «Всё в порядке», и я продолжила переодевать её. Коля, Женин парень, уехал. Мы с Женей помогали маме до утра, а потом ушли на кухню. Я, без сил, сидела в кресле. Женя сказала, что они задержались потому что поехали в больницу прямо с поезда. У мамы рак 4 степени. Это неоперабельно, и мама умрет через 3—4 месяца. Мой мозг сам посчитал: в апреле. Я зарыдала. Не было и нет слов, способных это описать. «Этого не должно было случиться?» «Что?» «Почему?» Было остро жаль маму, себя, жизнь, и вся жизнь круто

повернулась за три секунды на этом кресле.

Женя сказала: «Ну что ты... Не плачь...»

Я была потрясена. Женя стала бесчувственной? Она привыкла к этой мысли за те 3 часа, что у нее было? Она вообще знала заранее? Я рыдала и рыдала, и старалась рыдать неслышно, чтобы не разбудить маму в соседней комнате.

На следующий день Лена уехала к бабушке – маминой маме, с которой она и жила. А мы с Женей думали, как лучше ухаживать за мамой. Стало понятно, что надолго ее не надо одну оставлять – мама не могла встать, а, значит, не могла включить и выключить свет и телевизор, сходить в туалет и сходить за едой и водой на кухню. Но она могла садиться и ложиться сама на кровати. Мы принесли ей ее расческу и книжку, распаковали вещи. Она отвечала мягким взглядом на мои немые вопросы, которые я, впрочем, боялась задавать. При маме нельзя было плакать. Это было пыткой. Поначалу мы ходили почти на все пары в институт. Потом на самые важные. Потом я сидела на одной из «важных» пар и подумала: «Мама и Женя дома, а я здесь. Это неправильно. Я хочу быть с ними...»

Женя вообще была гораздо более полезна маме, чем я. Она готовила еду, а я только приносила. Мама больше доверяла ей личных ухаживаний, Женя раньше вставала. Я ходила от замороженной и мое поведение черствело. Мое «я» пряталось далеко вглубь меня, а снаружи осталось только пустое поведение и способность выполнять команды. Я вооб-

ще не могла встать с утра. Мозг не слушался. Я много чего не делала, что было нужно. Я не могла поверить.

Как-то раз у меня звенел будильник в шесть утра – надо было встать и идти к маме. Но я будильник не услышала, зато услышала Женя – и пошла к ней. Когда я встала три часа спустя, я спросила Женю, почему она меня не разбудила. Она сказала, что я сама должна вставать и была очень обижена на меня, что ей пришлось встать не в свою «смену». Грустная и тупая история, но она хорошо иллюстрирует, как Женя, с которой мы так хорошо понимали друг друга, стала чужой, отдалилась от меня так не вовремя. Так выяснились отношения – зачем-то. Наверное, я тоже была нужна Жене совсем другой, более ответственной, не расхлябанной, более собранной. Но мы были такими, какими были.

Мы с мамой особо ни о чем не разговаривали. О еде, о телевизоре, может быть, вообще ни о чем. О чем-то поверхностном? Я, честно, не помню. Ни о чем глубоком или важном. Знакомая женщина, которой я зачем-то поделилась, сказала, что постепенно мама перестанет привставать на кровати, перестанет есть и пить. Зачем я только ей рассказала? Зачем она это сказала? Это точно не про мою маму. С моей мамой все в порядке.

Вообще, окружающие не знали особо. В гости пришла тетя, мамина сестра, с двоюродной сестрой мамы. Маме было тяжело их видеть. Я испытывала радость осознания, что мы можем общаться с мамой каждый день, а все остальные по-

чти не могут – только когда приходят, а это редко.

Я курила в форточку, и не боялась, что мама запалит. Я задерживалась допоздна – мама звонила спрашивать, где я. Меня сверлила совесть.

Женя не очень-то делилась информацией, которую давал врач. Когда я это поняла, я стала подгадывать время, когда он приезжал, и оставалась дома. Первый раз я поймала его во дворе. Он был на переделанной «Волге». Я теперь каждый раз думаю о тяжело больных людях, когда вижу такие «Волги».

Врач говорил то же самое, что говорила Женя. Я смотрела на него и силилась поверить в то, что он говорил. Как много времени было потеряно пока я не верила в то, что происходило. Какой черствой и неспособной ни на что я была! Мама сидела на кровати и читала. Или смотрела телевизор... а я приносила ей чая и воды, делала ее лекарство – она не пила обезболивающих, только нетрадиционные народные средства. Я приносила ей поесть, приносила, и как-то непонятно было, как остаться, как посидеть с ней. Мы ни о чем не говорили. Смотрели в глаза иногда друг другу. Она интересовалась моими оценками. Мне они были не важны. Когда была моя очередь гулять, я выходила и шла вокруг детской больницы, которая находится рядом, курила одну за одной. Встречалась со своим парнем, которому ничего не рассказывала, ходила в кино с подругой. Я была плохой помощницей

маме и Жене. Это я понимаю.

Однажды я доставала сметану из холодильника и пролила ее. Пришла Женя с Колей, Коля принес себе домашние тапки в нашу квартиру. Такой хозяйский жест. Но, в целом, какая уже разница. Я ушла в комнату.

Через какое-то время Женя заглянула и сказала, чтобы я убрала холодильник. Я согласилась. Я думала встать, пойти и вытереть там все, но там был Коля, а не буду же я убираться при чужом мужчине в доме. Я продолжала сидеть за компьютером, когда зашел Коля и начал на меня кричать, что я эгоистка и не могу за собой убраться, что я иждивенка в своем же доме на шее своих родных. Он кричал так громко, что мама должна была слышать. Но она не могла встать с кровати и заступиться. Было жаль, что он ее вообще тревожит. Женя тоже не собиралась заступаться. Я почувствовала, что сейчас разрыдаюсь. Плакать при Коле не хотелось, я завязала шнурки, взяла пальто и вышла на улицу рыдать.

Когда я нарыдалась, я подумала, что всем очевидно, что это недоразумение. Возможно, с Колей можно согласиться по сути, но он не в праве говорить такие вещи таким тоном. Я думала, что, если я напому ему об этом, ему это тоже станет очевидным.

Мне надо было рассеять это недоразумение, и я надеялась, что Коля дома. Когда я подходила к подъезду, он как раз сидел в машину. Я подошла и довольно спокойно сказала ему, что он как бы здесь чужой и надо иметь уваже-

ние к семье своей девушки. Я гордилась своей вежливостью и своим самообладанием. Он ответил, что меня он не уважает. И что он здесь не чужой, а помогает даже больше, чем я.

Я была потрясена, и мне было нечего ответить. Я думала, что неприятная ситуация затянулась, и я сейчас же скажу Жене, чтобы Коля больше вообще не приходил в наш дом!

Женя сидела на кровати, когда я пришла. Я предложила ей обсудить ситуацию, но она отказалась. Она сказала, что у нее много работы и закрылась бумагами. Когда я настояла, что надо поговорить, она начала читать свои бумаге по работе вслух. Я была шокирована. Хотелось надеяться, что это все не слишком побеспокоило маму. И было непонятно, куда бежать и идти. Почему сестра не хочет со мной это обсудить? Я готова ее простить! Или она не считает себя виноватой? Я не могла представить себе ситуацию, в которой мой реальный или любой предполагаемый парень кричал бы на нее в нашем доме.

Коля пришел на следующий день. Я попросила его удалиться. Он отказался и сказал, что ничего я ему не сделаю. Я выкинула его тапки на лестничную клетку. Он спокойно за ними сходил. Он дал мне письмо.

Я ушла в свою комнату и начала читать:

«К Наташе

Что же, Наташа – пришло время поговорить. Быть может, послание тебе, переданное на бумаге, дойдет до тебя луч-

ше, чем сказанное вслух, хотя я на это не очень-то надеюсь. Но хотя бы эмоциональной составляющей в этом разговоре не будет присутствовать.

Итак, я действительно не сильно уважаю тебя. Поверь мне, так было не всегда. У каждого из людей, появляющихся в моей жизни, есть некоторая презумпция уважения. То есть я изначально отношусь уважительно к новым людям (а тем более друзьям и родственникам близких людей). С тобой было также, ты не можешь этого отрицать. Но дальше уважение уже развивается с оглядкой на поступки людей. Не спорю, у тебя к каждому из приведенных поступков есть свое, вполне логичное, «оправдание» или «объяснение». Но я не стремлюсь получить от тебя объяснений по тому или иному поводу, я хочу, чтобы ты задумалась над тем, как твои поступки видятся и воспринимаются со стороны.

Первым звоночком, что все не так хорошо, как кажется, прозвенел в тот день, когда мы устанавливали мебель у вас на кухне. Три человека (ладно, меня даже можно не считать, два, – будем говорить только о якобы «любимых» тобою людях), уставшие, потому что занимались этим целый день, но довольные собой и радостные тому, что они сделали. И ты, придя домой, устраиваешь людям скандал и портишь всем настроение. И все это из-за какой-то тетрадки, которую ты «протеряла» по собственной вине!!! Ты и вправду счита-

ешь, что твоя тетрадка и твое плохое настроение являются достаточным поводом для того, чтобы испортить настроение всем вокруг, включая «любимых» тобой людей.

Я здесь и далее не случайно заключаю слово «любимые» в кавычки, потому что это слово в твоей интерпретации имеет несколько иное значение, чем для большинства людей. Потому что для большинства людей это слово включает в себя внимание и заботу. *Безусловные* внимание и заботу. То есть, не в обмен на что-то, как часто происходит у тебя, а именно ради любимых людей, чтобы *им* было хорошо и приятно. А у тебя все наоборот – ты что-то делаешь, но не ради близких, а ради того, чтобы на тебя обратили внимание, сказали «спасибо». А если внимание тебе вдруг не оказывается – ты требуешь его, иногда со скандалом. Но любовь – не торговля, и ты не имеешь право что-то требовать взамен... Или это уже не любовь...

Дальше становится лишь хуже. Ты едешь с Женькой в *ее* студенческий лагерь. При этом ты живешь в домике с *ее* одноклассниками, и общаешься в *ее* компании. Не это главное, но ты не понимаешь, что это накладывает на тебя какие-то ограничения...

Но нет, в попытках привлечь к себе Женькино внимание ты позволяешь себе такое, отчего твоим близким было бы

стыдно за тебя, даже если бы это произошло в глуши, где вас никто не знает.

Что уж говорить о компании одноклассников. Если у тебя (вдруг???) возникает вопрос «О чем это я?», я напомним. Напомним день рождения одноклассника Женьки – Кругса, куда тебя пригласили вместе с сестрой и где ты напилась до нехорошего состояния. После чего висела на шее то у одного, то у другого из них, под смешки и ухмылки остальных, которые не могли не видеть этого.

А Ванечка, добрый Ванечка, тихонечко комментировал: «Коля с Наташкой Женьку делят...».

Так вот: нечего нам с тобой делить – почти все, что у тебя было, ты благополучно растеряла, так и не осознав, что у тебя есть.

Да и не ведут себя так с любимыми людьми – не причиняют сознательно боль, чтобы привлечь внимание, не заставляют плакать из-за своего поведения...

Напомним также, как ты привела в домик (который, как ты помнишь, ты занимала вместе с Женькиными одноклассницами) к себе в постель на ночь парня, которого видела второй раз в жизни. Здесь я не ставлю себе задачи обсуждать твои моральные принципы, а хочу подчеркнуть, что твое по-

ведение в такой ситуации оценивается через призму Женьки. И именно ей в дальнейшем общаться с этими людьми, и именно ей будет больно и неприятно само сознание того, что они об этом *знают*.

А тебе ничего, ты своей цели добилась – привлекла к себе внимание. Цель оправдывает средства, Наташенька??? Только вот захочет ли кто-нибудь после этого с тобой общаться???

Не знаю, чего ты этим добилась, но я сделаю все возможное, чтобы больше не оказываться с тобой рядом на отдыхе. Дабы уберечь себя и Женьку от лишних расстройств и нервовотрепки.

Да ладно Женька, но даже мама, «любимая» мама, уже тогда не очень здоровая, возвратившись из вашей совместной поездки на юг, в доверительной беседе со мной пожалела о том, что ты ездила с ними, что на тебя «потратилось много нервов», и она «совсем из-за этого не отдохнула». Правда ведь, твой отдых и твоя свобода были гораздо важнее маминого здоровья??? (здесь, я надеюсь, у тебя хватит сообразительности на то, чтобы не бежать к маме за выяснениями отношений, учитывая ее нынешнее состояние).

У меня создается ощущение, что негативный способ привлечь к себе внимание ты для себя выбрала как основной.

Действительно, это очень просто – сделал что-нибудь не так, как ожидают от тебя или не то, о чем просят тебя близкие, и вот результат – на тебя обратили внимание (пусть и негативное), с тобой разговаривают, что-то объясняют.

Делать что-либо так, как тебя об этом прост гораздо сложнее – мало того, что нужно что-то сделать, так еще и не факт, что за это на тебя сразу обратят внимание... А ты хочешь как в магазине: деньги дал – тут же покупку забрал...

Что так у нас еще??? Ах да. Попытка привлечь к себе внимание, сделав что-то полезное. Ремонт в коридоре.

Хорошая идея, но вот воплощение совсем безобразное. Делать ремонт по ночам, мешая болеющей маме спать – хорошее решение??? Второпях нарезать обои тяп-ляп??? Поклеить их так, что тут же приходится клеить заплатки??? Покрасить рамы окон не «подумав» заклеить стекла???

Одновременно поклеить обои и покрасить краской окна, так что в квартире стоит химическая вонь, но нельзя открыть окна – ведь клеятся обои??? И все это при том, что маме в соседней комнате нужен воздух??? Взвесив все это, не стоило даже браться за ремонт в таких условиях. Но все опять крутится вокруг твоего собственного «Я»: «Я давно хотела именно такие обои», «Я не успеваю это днем», «Ну ведь я

не профессионал,» «Я не подумала»... Как будто это твое «я не подумала» является оправданием для чего-нибудь.

Нет, оно является оправданием только твоей глупости. Если ты совершаешь поступки, не думая, к чему они приведут, чьи интересы (хотя бы из близких людей) они могут задеть, и кому принесут неприятности – ты глупа.

Далее. Совместное житье. Ты, живя с другими людьми в одной квартире, не удосуживаешься даже за собой убирать. «А что??? Вам надо вы и убирайте!» О каком уважении к тебе может идти речь в подобных ситуациях??? Я уж не говорю о *полном* отсутствии у тебя обязанностей по дому.

Повторю: обязанности – это не то, что ты делаешь *иногда*, когда тебе захочется, а то, что ты делаешь всегда, по мере надобности. И эта надобность диктуется не тобой. То есть, к примеру, если это мытье посуды, то после любой еды посуда должна быть помыта, чтобы человек, готовящий в следующий раз, мог просто взять посуду со своего места.

И уж, как минимум, ты должна убирать за собой. Не спорю, в жизни есть немало ситуаций, в которых невозможно или сложно все сразу убрать за собой, но ты не ставишь себе такую задачу. Очень показательной была твоя встреча нас по возвращении из Египта, после двухнедельного отсут-

ствия: «Я позавчера все убрала, но вот вчера была вечеринка, поэтому до завтра по всей квартире будет вонь и грязь! Это же жизнь!» = (При этом, ты точно *знала*, что Женька возвращается, и что застать дом в таком состоянии ей будет *очень неприятно*. Но ты *сознательно* (я надеюсь) устроила вечеринку и не удосужилась убраться после нее. Ты считаешь свое такое поведение нормой??? Ну-ну.

Мама еще пыталась и имела достаточно авторитета, чтобы сподвигнуть или заставить тебя делать что-либо по дому. Сейчас, в связи с известными тебе событиями у вас в доме все изменилось, стало гораздо больше дел по уходу за мамой, по хозяйству и т. д. Что в своих привычках и обязанностях изменила ты??? *Ничего!!!* Разве что дома стала появляться чуть чаще... Или я не прав?? Тогда подскажи, какие *обязанности* по дому или уходу ты взяла на себя??? Чем ты пожертвовала или от чего отказалась??? Позволю себе предположить, что ничем.

Во всяком случае, ничем видимым. Женька делает все возможное, чтобы маме было легче, чтобы она улыбалась хоть иногда... А ты, что ты делаешь??? Занимаешься своими делами пока «отбываешь повинность дома», раз в полчаса спрашивая маму «что-нибудь нужно?». Нужно, очень нужно, но она тебе этого не скажет, да и ты, боюсь, не сможешь ей этого дать: *Внимание и заботу*.

Поэтому же и Женьке проще во многих ситуациях сделать все самой, а не просить, и уж тем более, не *убеждать* тебя в том, что что-то *нужно* сделать (сейчас, а не когда тебе вздумается!). А ты вместо помощи устраиваешь скандал, по поводу того, что с тебя кто-то что-то требует! Ты же просьбу не воспринимаешь: тебя несколько дней просили, чтобы ты помыла за собой же холодильник, который смердит как помойка!!!

И чтобы ты мыла посуду хоть за собой!!! И где эти просьбы??? И на какое отношение к себе со стороны Женьки или меня ты после этого рассчитываешь???

Но поверь, в таких условиях мне проще считать тебя маленькой и глупой (ну хорошо, не глупой, а не очень умной) девочкой. Девочкой, которая о многом не задумывается... Девочкой, которую, как ей кажется, ближние обделили вниманием и заботой... И которая совершает поступки, не думая об их последствиях, руководствуясь лишь эмоциями...

Но даже это не добавляет уважения к тебе, лишь жалость и грусть...

Но, если это не так и ты не маленькая глупая девочка, и полностью осознаешь цену своих поступков, ты – чудовище.

Без принципов, без ценностей, без души... На мой взгляд уж лучше маленькая девочка – она хотя бы может со временем повзрослеть...»

Надо ли говорить, что да, все эти ситуации – ремонт, поездка на Волгу, их возвращение домой – действительно были, но написать о них так? Я хотела ответить ему письмом, но у меня физически не было времени написать его. Сил тоже не хватало.

Он меня сломал, подломил.

Маленькое ничтожество человека, который ударил в слабое место в самый больной момент.

Мне не сразу стало понятно, что он просто готовил почву для своих дальнейших решений, и меня, и умирающую маму не воспринимал, как людей, достойных тишины и спокойствия в такое непростое время.

Так много дерьма было вокруг умирающей Мамы... так много... и все благодаря какому-то мудаку, которого Женя впустила в дом. Потом, через год или два, я смогла увидеть, что в этом письме было на самом деле – вопли человека с чувством собственной неполноценности, который нашел удобную цель, чтобы самоутвердиться, но тогда я не могла этого видеть, тогда мне просто было больно.

Жизнь превратилась в ад.

Женя со мной не разговаривала, не обсуждала ни то, что

она за меня не заступилась, ни Колин поступок, ни свои чувства, неохотно обсуждала маму... Хуже всего то, что неохотно обсуждала маму. Что ей нужно, что сделать, что ждёт мама, что ждёт Женя?.. В чем-то Коля был прав – я правда была очень эгоистичной и мало делала по дому. Но какое это имело значение когда умирала мама?

Мне не с кем было поговорить, не с кем поделиться, не с кем поплакать...

И при этом я очень хотела помочь чем-то маме. Не просто принести еды, а как-то развлечь или отвлечь, но чтобы она не подумала, что это из-за того, что она умирает. Я не знала, как...

Все это было такой ошибкой! Если бы мы знали, что у нас не так много времени, как мы думали...

Мама перестала привставать на кровати, стала только лежать. Она разговаривала с бабушкой по телефону. Бабушка, похоже, не знала, что происходит, не знала, что мама умирает. Надо было ей сказать, наверное, но мама имела право решать, кто сколько знает, и я просто была рада, что я могу быть рядом с ней, что я знаю, что я живу с ней в одной квартире. Мама, мама... Я уже неживая была тогда, когда это происходило, но насколько же я была живее и настоящей, чем я есть сейчас.

Я старалась сидеть с мамой и делать вид, что смотрю телевизор. В какой-то момент, когда я в свою очередь гуляла

вокруг морозовской больницы, я чуть больше поняла, что мама умирает, я так и не понимала этого до конца, только сейчас, может быть, понимаю...

Я старалась представить, что мама выздоровела, и я с ней гуляю вокруг больницы – апрель, тает снег, мама в инвалидном кресле, я везу её и мы весело разговариваем. Нельзя сказать, что хорошая картинка, но намного лучше того, что нас ожидало...

Я решила рассказать Маме двух тайнах, которые у меня от нее были – четыре года назад я принесла домой котенка и соврала, что нашла его на улице, иначе бы мама не дала мне его оставить. Мама нашу кошку очень полюбила, и, в принципе, можно было давно ей сказать, но руки не доходили, и я чуть-чуть боялась, что она будет сердиться.

А еще однажды я отпросилась на вечеринку и не вернулась на ночь. И на следующую ночь тоже не вернулась. Я звонила маме и говорила, что я на даче, но она знала свою дочь, когда я пришла домой в конце концов, она просто спросила меня, где я была. А у меня не хватило сил сказать правду. Я не знаю, почему. Я случайно уехала в Питер. На спор зашла в вагон, а, когда поезд тронулся, было поздно что-то делать. Но маме я, почему-то, тогда не сказала. Хотя, мне кажется, она бы не сердилась.

И я пришла к ней. Села рядом с ее кроватью. Она спала. Или была слишком слаба, чтобы отвечать, и сделала вид, что спит. Или у меня не хватало смелости, чтобы все же рас-

сказать ей. Или мне казалось, что мое облегчение от груза тайн не стоило маминого спокойствия... наверное, все вместе, понемножку. Я рассказала маме, как все было на самом деле, разговаривала со спящей... или не отвечающей мамой... Неумело ей объяснила, почему не пришла раньше. Было неудобно, что как будто я... думала, что она умрет, и поэтому это рассказываю. И, хоть это и было правдой, не хотелось, чтобы это было правдой. Не хотелось, чтобы мы обе в этом признавались. Если вы хоть чуть-чуть понимаете, о чем я... Я рассказала ей, молчащей, и ушла. Все-таки, ее спокойствие, и замалчивание всего этого было важнее, чем мои перед ней тайны.

Потом она перестала есть. Только пила.

Близился новый год, но было все равно. Я купила маме и Жене в подарок музыкальную шкатулочку. Я хотела маме настоящий необычный подарок на Новый год. Ездил за ним часа два, лучше бы с мамой сидела...

Я отказалась ходить на пары.

Пришел врач. Он осмотрел маму, вывел нас в коридор и сказал, что, если мама не будет пить, она не доживет до нового года. Я была потрясена. Они же говорили три-четыре месяца! Это итак чудовищно, нельзя сокращать срок и так внезапно! Он дал нам сильное обезболивающее, трамал. Сказал, что маме очень больно. Это итак было понятно. Сказал, чтобы мы смешали обезболивающее с водой. Ска-

зал, чтобы мы давали маме больше пить, что люди умирают от интоксикации и обезвоживания, а не от боли. И ушел.

Хочется так много писать о маме... Я так хорошо помню то небольшое, что помню... Та я, когда мама еще была жива... Совсем другая я, настоящая, не та, что сейчас. Я написала стих о том, что верю в чудо. Что отдала бы что угодно, свою жизнь бы отдала, лишь бы этого не происходило. И я понимала, что вместе с мамой умираю и я, потому что та я, которая принимает все это – это уже не я, абсолютно не я, потому что я не принимаю. Потому, что я живая, я есть. Та, что привыкает и может привыкнуть, никогда не будет мной! Я бы никому не пожелала, чтобы он меня сейчас понял. Это лучше, чем знать, каково это – терять любимую.

На следующий день я отнесла вещи к маме. Постелила рядом с ней. Я не хотела просыпаться где-то там, в соседней комнате. Я хотела просыпаться рядом с мамой. Слышать даже самые тихие ее просьбы...

Жене это не особо понравилось. Но она это приняла. Часов в девять вечера мама начала говорить с нами. За много дней молчания и простых просьб, она начала говорить с нами... а мы не понимали ни слова! Ей было очень тяжело, каждое слово давалось с трудом. Мы наклонялись и догадывались. Не хотелось признавать, что мы не понимаем, и не хотелось терять, что она говорит. Мы переспрашивали и старались домыслить. Она говорила, что хочет, чтобы

ее похоронили в ее белом костюме. В ее красных туфельках на каблуках. Какое похоронить! Мам, ты что! Она сказала «Спасибо, Мама!». Нашей бабушке. Просила передать. Она часто говорила о своей маме.

А потом она захлебнулась. И застыла.

Женя убежала в другую комнату за телефоном.

А потом мама еще раз судорожно вздохнула, остановила на мне свой взгляд. И умерла.

Я выла. Я была рада, что была с ней, я была рада, что она меня видела, мне кажется, она меня наконец-то увидела... Я видела нас со стороны и выла. Она не могла этого сделать... Она не могла... Я испытала облегчение от того, что, наконец-то, смогла обнять ее. Мне так не хватало этого все последние дни!...

Я обняла ее, и почувствовала мамино тепло и мамину мягкость... забытие, которое чувствуешь только в маминых объятиях... Я подняла глаза посмотрела на нее. Один глаз у нее был закрыт, а другой на четверть открыт, и он смотрел на меня. Я не могла отвести взгляд, мне было страшно до кишок, и в то же время так тепло было в ее объятиях, мне так давно этого не хватало!...

Ложь. Каждое слово ложь, когда я пишу об этом. Я вроде все описываю так, как оно было, но как будто слова не передают и капли той боли и того смысла, который я вкладываю...

Пришла Женя, посмотрела на нас, и, мне кажется, капель-

ку вздрогнула. Мы в последний раз лежали в обнимку с мамой...

Через какое-то время я встала. Коля уже приехал. Я пошла на лестничную клетку. Коля сказал: ну не сейчас же курить. Я сказала: сейчас-то нужнее всего.

Пришел врач. Он даже трогать маму не стал. Даже близко подходить к ней. Сразу стал писать бумажки.

Пришли два парня. Тоже посмотрели, маму не трогали. Пошли подписывать...

Я пишу все это, и это становится ложью. Слова просто описывают, но не передают смысл, разрушение, боль...

Следующего утра уже не было. Следующее утро – это сон, его никогда не было. Я надеюсь, что умерла тогда, вместе с мамой, и мне не пришлось больше жить.

На следующее утро, когда я проснулась, Жени и Коли уже не было, они уехали что-то улаживать. Я покурила на лестничной клетке, выпила кофе. Хотелось зайти к маме, но было страшно.

Прозвенел звонок в дверь – это была мамина сестра, тетя Таня. Она как вошла, сразу сказала: «Ну как же можно!..», – и пошла занавешивать зеркала. Она вошла в мамину комнату, принесла ей ладанку – тысячи вещей, о которых я ни-

когда бы не догадалась... Наверное, я ей мешала. Не могу и не хочу представлять, каково было бы мне заходить в комнату к умершей сестре... Наверное, Женя всем позвонила... Она такая молодец... Я не хотела бы быть на ее месте..

Потом вернулись Женя с Колей. Потом пришел невысокий круглый пятидесятилетний мужик, все организовывать. Он сидел в кухне и все записывал. «От любящих дочерей», нет, «Любимой маме»? Как подписать венок? Какой венок? Сознание рассыпалось от того, что она только что была жива, только что... Я сказала мужику, что хотела бы посмотреть, что он делает.

Тетя Таня сказала: «Не надо этого».

Мы с ним зашли к маме, я поцеловала ее, поцеловала ее руки, каждый пальчик. Это были теплые мягкие мамины руки, я никогда их не забуду.

Я понимаю, что у многих с детства нет мамы, и им не понять, что такое мамины руки. Но иметь и потерять невыносимо. Как люди живут со всей той болью, что у них в груди? Что накапливается? Как мама могла с ней жить? Как люди могут жить? Или, может быть, я и правда мертва, только делаю вид, что живу.

Невысокий круглый мужчина попросил меня купить маме чулки, и, когда я их принесла ему, он попробовал их натянуть маме на ногу, но у него не вышло – мышцы не держали резинку. Было так странно смотреть на маму, которая теперь была неживой. Но она же все еще была мамой...

Мы с Женей поехали к папе на работу. Он приобнял нас и сказал:

– Эх... рано вы осиротели...

Мы с Женей переглянулись. Это было так странно и неприятно! У нас же был еще он...

Но папе, наверное, виднее, что говорить.

Меня попросили вызвать священника. Мы не особо ходили в церковь, но мама иногда ходила. Женя дала мне тысячу рублей. Я поехала в магазин и купила черную толстовку – иначе у меня не получилось бы траура.

Я пошла в церковь за священником. Когда, выйдя из церкви, мы пошли направо, он сказал: «Слава Богу, я уж думал, что та Ангелина умерла». Видимо, его знакомая. Он осекся, понял, что некрасиво сказал.

Мама совсем не принимала обезболивающих. Я не знаю, почему. Это требовало столько мужества. Я не представляю, какую же боль она на самом деле испытывала. Лекарства наверняка отупили бы ее, но все же. Такая боль невыносима, я даже представить себе ее не могу, а она не пила таблеток... Вообще никаких... Батюшка сказал, что это искупает ее грехи. Что на небе к ней лучше отнесутся.

Напрягает меня немного христианская религия. Истинные христиане – очень больные люди.

Когда мы поднялись на наш этаж, на лестничной клетке уже стояла крышка от гроба. На ней был железный Иисус

с такими муками во всем железном теле, что я вздрогнула. А еще не хотелось, чтобы соседи знали, хотелось, чтобы это было личное...

Это все такое личное...

Я открыла дверь в большую комнату, где была мама. Она уже лежала в гробу на табуретках, в той одежде, которую она сама выбрала, в белом юбочном костюме, в красных туфлях. Матрас и подушки выкинули. Я понимаю. В комнате стоял легкий запах... не знаю, как это называется. Формалина.

Заходить в комнату, даже с батюшкой, было страшно. Я проглотила рыдания, когда вошла. Он спросил меня:

– Чего ты боишься? – и сказал: «Не переживай».

Он, наверное, каждый день смерти видит.

Он читал молитвы, а я стояла и смотрела на него, мое присутствие делало все происходящее слегка бессмысленным. Он потом написал молитву, сказал, чтобы мы с Женей ее читали и сказал, чтобы я приходила в церковь.

Еще мне нужно было купить платочки. Памятные платочки для всех. Говорят, что надо плакать в эти платочки – это помогает тем, кто умер...

Я купила платочки с птичками и узорами цветов. Бабушке понравилось.

Приехала Женя, я сказала ей, что священник сказал читать нам обеим молитву. Она согласилась. Мы закрыли комнату, а Коля остался на кухне. Мы зажгли свечу и читали мо-

литву перед умершей мамой, и наконец-то мы все трое были снова вместе, снова было это сладкое ощущение семьи...

Пока мы читали молитву, наша кошка подошла к маме и стала лапой теревить ее одежду. Меня прям проняло, что кошка относилась к маме как к предмету. Мы с Женей ужаснулись и увели кошку из комнаты.

На кухне нас ждали сосиски. Наверное, Коля позаботился. Мы потыкали их вилками, но в мозгах они странно соотносились с мамой, которая была в другой комнате... Мы не стали есть, и Коля повел нас всех троих в «Му-му».

Женя сказала, что поедет к Коле ночевать, а я чтобы ехала к бабушке или к тете Тане.

Я искренне удивилась:

– Куда это я поеду, как это мама – здесь, а я – там?

Женя ответила, но тихо, как будто не была уверена или как будто не хотела, чтобы мама слышала:

– Но ведь это уже не совсем мама...

Она пошла разговаривать с Колей. Я поняла, что она сейчас уедет, а я останусь наедине с мамой. У меня немного жаль сердце.

Женя вернулась и сказала, что она тоже останется. У меня отлегло от груди. Наверное, Женя тоже немного считала, как я. Что мама все-таки в соседней комнате.

На следующий день были похороны.

С утра в квартире было много людей – мои двоюродные

браться, бабушка... Она так рыдала, так рыдала... Она хотела приехать навестить маму, но плохо себя почувствовала и не поехала. Если б она знала, что мама умирает, она бы обязательно приехала. Но ей же никто не сказал... Мама ей не сказала... ну и мы... мы тоже не сказали... непонятно, как. И мы вообще не об этом думали. А мама наверняка же хотела увидеться со своей мамой... судя по тому, что она говорила... Бабушка тоже хотела бы... Она никогда себе этого не простила. Хоть это была не ее вина.

Меня попросили посидеть с Леной, пока она будет прощаться. Лена сидела рядом с гробом и не знала, что делать. Это был удачный момент. Я написала два письма и теперь могла положить их в гроб. Одна бы я не осмелилась, а кто угодно, кроме Лены, начал бы задавать вопросы.

Одно письмо было Маме. Я писала о том, как люблю ее и спасибо за все, что она сделала! Я надеялась, что ей перестало быть больно, и что ей там лучше.

Второе письмо было Богу. Я просила его принять Маму по лучшему разряду, писала Ему, что о ней нужно позаботиться, и что она больше всех это заслуживает.

Потом мы поехали на кладбище. Я села в автобусе рядом с гробом, и все время держалась за него, как будто бы держалась за маму.

В часовне я тоже держалась за гроб. Мне вдруг стало ясно, что совсем скоро маму заколотят гвоздями, и больше я ее никогда не увижу. Я рыдала и рыдала... Мне кажется, я

никогда в жизни так не плакала... не рыдала... не отчаивалась... первый раз в жизни мне было все равно, как я выгляжу... все равно, что люди смотрят, все равно, что люди видят мои настоящие эмоции...

А потом маму заколотили, положили на каталку и повезли закапывать в землю. Когда я шла к могиле, мой двоюродный брат Антон подошел ко мне и взял меня за руку. Ничего не говорил, только взял за руку. Я никогда этого не забуду. Я очень ему благодарна...

Маму спустили в землю и засыпали землей. Бабушка очень убивалась. Остальных я не помню. Желаю никому никогда не узнать, каково это, когда в землю кладут кого-то с твоим лицом, кого-то, кто так близок тебе, когда твое сердце закапывают, и ты должен от него уйти, потому что тебе сказали, что оно умерло...

Была долгая дорога назад в этом опустошенном пазике с его лавками. Четверо молодых людей, которые несли гроб, в какой-то момент вышли и сказали: «Прощайте». Не «До свидания», а именно «Прощайте».

Мы с Антоном сидели вместе, и он по-прежнему держал меня за руку.

На поминках мы ели эти блины, и я раздавала платоч-

ки. Говорились речи. Я поднялась и сказала что-то хорошее и правдивое про Маму, и сказала, что назову дочь в Ее честь. Я умела говорить, я сказала именно то, что хотела. Я выходила покурить на лестничную клетку с тетей и Антоном, но легче не становилось...

Больше Мама не следила, где я, и теперь мне можно было курить при всех, не прикрываясь...

Потом все закончилось. Женя попросила меня остаться с бабушкой на ночь. Я осталась. Честно говоря, я умерла, и все внутри меня было черство. Но, если я чего-то хотела, так после этой суматохи последних трех дней, когда из ниоткуда появились люди с тысячей задач, это побыть одной. Поэтому на следующий день, 30 декабря, я собралась и поехала домой. Бабушка спрашивала, не останусь ли я, не приеду ли я на Новый Год. Но мне просто надо было побыть одной. И я не хотела никому портить праздник. Я понимаю, что для бабушки это не был особый праздник, но Лена ее взбодрит, а мое присутствие и их попытки меня развеселить не принесут радости ни ей, ни мне. К тому же, я могла еще подумать, а пока я просто оделась и пошла в наш опустевший дом.

Я купила продуктов и наделала всех этих салатов, которые мы обычно делали на Новый год. Поставила две тарелки – для себя и для Мамы... В Новый год позвонила Лена. Они с бабушкой и тетей отмечали вместе. Я чуть не заплакала, когда они меня поздравляли, но надо было держать-

ся. Потом позвонила Женя. Я ей пожелала, чтобы все старое ушло вместе со старым годом, а в новом была только радость. Ей очень понравилось. Она нашла время завезти мне подарок. Это было так странно – подарок от сестры, которая с тобой не разговаривает особо... Она сказала: «Если тебе не понравится – ничего страшного.» Она знала, что я люблю сама выбирать вещи. Это были две красивые чашечки. Мне очень понравилось. Я выходила курить на лестничную клетку. Воздух пах порохом, и слышался шум фейерверков. Было ощущение, что все на земле живо, кроме меня. И Мамы. Я читала книгу, которую купила себе. В какой-то момент я не выдержала и заплакала.

Первого января я съездила к бабушке, чтобы разделить с ней праздник. После гуляла по городу допоздна. Позвонила Антону, моему молодому человеку. Он приехал, и мы гуляли вместе. Я ничего ему не рассказывала. Я боялась, что он мог прийти сам – как тогда – чтобы оставить букетик бумажных цветов – и увидеть крышку гроба на лестничной клетке, которая так меня потрясла и обожгла мою память. Я боялась, что он может уже знать, но спрашивать не хотелось. И говорить об этом не хотелось. Антон не был человеком, который мог бы меня понять и он постоянно мне это доказывал. Он вдруг сказал:

– Давай жить вместе.

– Ты что?

– Давай жить вместе. Я буду о тебе заботиться.

Наверное, он хотел дать мне тепла и участия, но не знал, как. Это классно. Спасибо, Антон. Но тогда мне было так не до помощи в выражении его эмоций и чувств. Мне нужна была его любовь. Мне было горько от того, что он не мог ее выразить. Конечно же, я отказалась. Потому что если я не могла с ним поговорить о том, что меня так ело, то как же жить с ним?

Женя зашла в начале января – я думала, повидаться со мной. Может быть, и для этого тоже. Если посмотреть на жизнь без прикрас, она пришла, чтоб забрать свои вещи. Тех, которых ей не хватало там. А я все ждала объяснения, планов, чего ждать дальше и ничего не видела. Она сказала мне что-то, не помню, что. Я ей ответила, немного грубо, но не настолько, чтоб она выбежала из квартиры, оставив открытой дверь. Как она убежала я запомнила очень хорошо. И помню, что я ей не сказала ничего такого. Ее обуревали чувства, ей было очень плохо. Но мне – тоже. Мне было очень больно, когда она выбежала. Я села на пол и заплакала.

Мы встретились с Белкой, моей подругой. Я понимала, что мне надо рассказать ей, потому что... потому что мне нужна была ее поддержка, ее помощь. Но я не знала, как ей сказать. Около нашего дома было пять деревьев, которые я целовала. Они всегда были для меня папой, мамой, Леной,

Женей и мной. Я сказала Белке:

– Для меня эти деревья всегда были нами: я, Женя, Лена, мама...

На мамином дереве красовался крест красной краской – его хотели спилить. Мы помолчали, и, мне кажется, она меня поняла...

Несколько дней спустя мы встретились с Женей, и пошли в фотомагазин. Забрать Мамину фотографию. Я не помню, о чем мы говорили. Я уже купила рамку. Я распечатала Мамину фотографию большим размером. Это была Мамина фотография в молодости. Когда я в детстве научилась добираться до этого ящика, я иногда просматривала эти Мамини фотографии. Иногда – потому что трудно было улучшить момент, когда бы не застучали и не остановили – все-таки пять человек в квартире... Маме не нравилось то восхищение, с которым я смотрела на Ее снимки, не знаю, почему. И не знаю, почему я распечатала именно эту, а не ту, на которой я знала Маму, постарше. Много позже я поняла, что это был способ не верить. Если бы повесила фотографию Мамину фотографию, какой я ее знала, я бы убилась, я бы изошлась, мой мозг, мое сознание не приняли бы этого. Так было менее больно. Я разрешила себе не верить.

Мы с Женей любовно вставили фотографию в рамку и повесили на стену. Вот так. И помолились, обе, по очереди, раз уж Женя была дома. Я слушала Женину молитву – и ни о чем

не думала. Женя не знала, что такое зело. Я не знала большинства остальных слов, кроме этого. «И умножить на Тебе величие Твое...». Я молилась Маме. Мы стояли, обратившись лицом к иконам, но по-хорошему, я молилась Маме, и тогда, и потом, не вполне отдавая себе в этом отчета. Я смотрела на Маму, когда молилась. Потом Женя уехала...

Когда я проснулась – обе сестры уже были дома. Не помню, по какому поводу. Это было удивительно, на самом деле. Чудесно. Просыпаешься – а сестры дома. Чудо. Но мои чувства были немы. Я отметила про себя это чудо и порадовалась...

Я подошла к воде и начала пить:

– Я с такого бодуна сейчас... – объяснила я.

– Ффффу, – ответила Женя с отвращением.

– Я думаю забрать Мо, – сказала Лена, – у нас есть, чем ее кормить, и с нами весело.

Крик боли, негодования, боли поднялся во мне, и я выдавила из себя, боясь расплакаться:

– Не смей. Это единственное, что у меня осталось. Она одна живая в этой квартире...

Я давила слезы, чтобы не разрыдаться при них, вышла в прихожую, оделась и вышла, выплакивая боль на лестничной клетке, с сожалением оставляя дома мое маленькое чудо – двух сестер, пришедших ко мне. Я ходила вокруг морозовской и плакала, рыдала навзрыд – они пришли, что-

бы забрать единственную, кто у меня оставался, кто никуда не уехал, кто меня не бросил...

Когда я пришла, их уже дома не было...

Необычным было то, что никто не звонил узнать, где я и когда буду дома. Всем было до себя и все равно. Это вам не Мама. Я снова плакала. Я перестала стесняться плакать на улице. Боль душила меня, и вообще я ненавидела этих живых людей, и мне было все равно на них, как и им на меня, и я рыдала, сильно, в голос, проходя по улице, никуда не спеша потому, что спешить мне было некуда. И плач бы не успокоился, добеги я до дома. Некому утешить было. Я сама не могла сказать себе ничего утешительного. Мне нечем было помочь.

Никому не было интересно, где я и что я делаю, и когда я вернусь домой. Женя не звонила. Лена тоже. Иногда звонила бабушка – тоже иногда. Родные – нет. Друзья – нет. Бабушка и родные, как я потом поняла, думали, что Женя все еще со мной, и что мы в порядке, безопасности, и зачем звонить? А Жени не было. Она была с Колей.

Если бы я умерла, мое тело обнаружили бы в лучшем случае дня через три.

В один день приехала Женя. С рюкзаком. Она сказала, что заболела и вызвала врача. Она вызвала врача и начала уби-

рать квартиру.

– Ты же болеешь!

– Но ведь врач же придет!

– А ты надолго?

– Пока не знаю... что врач скажет... думаю, для начала, денька на два, на три... может, на неделю...

Я внутренне улыбнулась.

– А у тебя есть, что поесть? – спросила она.

– Сейчас пойду куплю, – ответила я.

И купила, помимо еды, новое постельное белье нужного размера. А то Жене всегда приходилось пользоваться на своей полуторной кровати либо тем, что меньше, либо тем, что больше.

Я подумала, как же мы не любили все себя. Никто о себе не заботился. До этого момента у Жени не было нормально-го белья, хотя новая кровать большого размера под ее рост стояла с мая.

Красивое, нежное, зеленое белье. Ей понравилось.

Напротив моего дома сносили торговальню, фабрику, которая пекла торты и пирожные. Мы с Антоном договорились слазить туда на прощание как раз, когда Женя приехала.

Весь мир рушился. Мама... Фабрика, которая украшала мое детство – сносили... Срубили дерево, которое я Белке назвала Мамой... Мир вокруг отвечал миру внутри меня

разрушением на разрушение.

Жене поставили диагноз бронхит, и она осталась жить или ночевать со мной. Я делала ей чай и покормила ее. Она отдыхала на кровати, и ей больше ничего не было нужно.

На следующий день я поехала к бабушке. Я, как и раньше, навещала ее пару раз в неделю. Я бы оставалась дома, и сидела, и сидела, и сидела, но бабушке тоже нужно было общество и внимание, и я выходила на улицу, и мне нужно было ее общество, ее тепло и ее внимание.

Бабушке было очень очень очень плохо, но она тоже другим это не показывала. Мы все как будто договорились играть в игру «Ничего не произошло» или «Мир разрушился, но совместными усилиями мы создадим видимость, что он такой же, как был». Иногда у бабушки в глазах стояли слезы. Тогда я подходила, обнимала ее, целовала и говорила: «Баа-бабушка...». Она утирала слезы и целовала меня в ответ.

– И почему я к ней не поехала... – говорила она.

– Ты была больна.

– Знать бы... Почему же никто не сказал? Если б я знала, что это последний раз, когда могу повидать ее...

– Но ты же собиралась. Мы тебя ждали. Было бы гораздо хуже, если бы и тебе тоже стало плохо и ты слегла. – Я подбирала слова с умом. Я сама не знала, что ей ответить. Что

тут ответишь? И все же я уверена, что отвечать было нужно. Женя думала, что нужно просто помолчать, когда бабушка говорила об этом. Я не согласна с Женей – бабушке нужен был ответ. Или оправдание – что-то, за что она могла зацепиться. Я бы не хотела быть на ее месте. Я-то хоть была с Мамой, бабушка – нет.

– Да, но я бы поехала и больная... – ответила бабушка.

– И что бы было? А вдруг ты бы тяжело заболела из-за всего этого? Еще этого не хватало.

И, знаешь, Маме бы было трудно – она даже от тети Оли и тети Тани закрылась и делала вид, что все хорошо. – Я вспомнила Маму, в своей комнате. С еще включенным телевизором. Еще способную сидеть. Еще совсем живую. Она разговаривала с тетей Таней и с тетей Олей. Я отогнала от себя эти мысли, чтобы не расплакаться при бабушке. – Представляешь, как ей было бы плохо, если бы ты увидела ее в этом состоянии?..

– Но я же Мать...

– Не переживай, не переживай, бабушка. Значит, так нужно. – сказала я то, что мне самой было неубедительным.

– Кто бы знал... Кто бы знал.. Моя Леночка...

Еще бабушка рассказала, что тетя Оля приезжала, чтобы ухаживать за Мамой. И еще она сказала, что Мама накануне позвонила бабушке и сказала, что они вместе поедут навестить дедушку, Мамино папу, бабушкиного мужа. Хотя

бабушка понимала, что куда ж она в таком состоянии. Так она и сказала.

Зазвонил телефон. Это была Женя.

– Ты еще у бабушки?

– Да.

– Передавай ей привет. А тебя дома сюрприз ждет!

– Seriously?

– Ага.

– Лечу домой! Уже интересно! А что это?

– Придешь домой – узнаешь.

– Ну хоть намекни...

– Тогда какой же это сюрприз? Но ты все равно не догадаешься.

– Лечу-лечу... А меня дома сюрприз ждет, – сказала я уже бабушке.

– Да ты что! – порадовалась она, поставив точку в нашем предыдущем разговоре.

Когда я шла домой, самое большое, что рисовало мне воображение, было жареной картошкой. Женя не могла никуда выходить, она же болеет – значит – она сделала что-то дома. Я представляла себе жареную картошку, пока шла домой.

Ну, где сюрприз? – спросила я, входя.

Женя сделала движение фокусника и показала за дверь.

Там стоял папа.

Я не поверила своим глазам. Папа! Мой папа! Дома! Сейчас, когда он нам так нужен! Папа! Я подошла и обняла его, и поцеловала. Я вернулась домой...

Мы прошли на кухню и устроились, как смогли. Папа сказал:

– Я ушел от Инессы. Я поживу тут с вами некоторое время?..

– Конечно! А почему ушел?

– Видите ли, она немного... истеричка. Плюс она иногда выпивает, и тогда становится неуправляемой, она себя не контролирует, выкидывает вещи, орет...

Мы говорили о разном. Я смотрела на папу и радовалась. Конечно, хорошо бы, если бы папа вернулся к Маме... Я подавила слезы внутри... Но сейчас он был здесь, с нами... Это было успокоение.

– Вы так ничего и не говорили, никто и не знает, как все произошло, как мама болела, давно, как она умирала... – он сделал паузу. Видимо для того, чтобы мы рассказали. Мы промолчали, смотря прямо на него, и папа по очереди встретился с нами глазами.

Папы не было тогда рядом. И он не интересовался. ... Хотя он не знал. Никто не знал, кроме нас двоих и Коли. Тут их не за что винить. Переживаемое тут на квартире связало нас.

Папа продолжил:

– Видите ли, ваша мама... тоже не понимала. Я приходил домой усталый, с работы. Я зарабатывал деньги. Вы хоть знаете, что такое работать на дядю? Вот Женя знает, и так всю жизнь каждый день. И, приходя домой, хочется тепла, уюта, спокойствия. Ваша же Мама вечно доставала меня своими ссорами! – он все больше заводился, мы с Жесей обменялись взглядами. – И говорила плохое про моих родителей – будто бы моя мама хотела нас развести и влияла на меня, и, видите ли я – я – зависел от мнения своих друзей, и, когда они начали разводиться, тоже развелся.

Мы слушали молча, немного потрясенные, не пытаясь ничего вставить.

– Да в жопу такую женщину, которая думает, что ее мужчина не способен самостоятельно думать!

– Не надо так о Маме, – резко сказала Женя.

– Да ваша Мама дура!

Мы с Женей переглянулись.

– Не надо так, пап! – сказала я. – Как ты можешь?

– Что могу?

– Так говорить о Маме, когда она умерла.

– И что? Это же все равно правда. – Папа встал, чтобы пойти на лестничную клетку покурить. Достал сигарету в коридоре и вернулся в кухню к нам, совершенно потрясенным.

– И вот что я вам еще скажу: вы еще всей правды о маме не знаете. Оооо... – сказал он масленно, так что меня внут-

ри покорезило. Думаю, Жесю тоже. – И вот еще что – вы не общаетесь с бабушкой и дедушкой по настоянию мамы. Так вот что я хочу вам сказать: это – грех! И вы должны его замолить и начать с ними общаться.

– Мы не общались с ними раньше, а сейчас, когда мамы нет, тем более не будем.

– Почему?

– Потому что Мама запретила.

– У тебя что, своей головы нет? Запретить детям общаться с бабушкой и дедушкой! Это же грех! Грех! Ваша мама грешна. И вы должны это замолить.

– Пап, зачем ты говоришь все это? – Женя вышла к папе в коридорчик. Свет в Маминой комнате, который я никогда не гасила, создавал ощущение полной квартиры. Как будто в доме было столько людей, что везде должен гореть свет.

– Потому что это правда, и вы должны это знать.

– Но нельзя же так... когда она умерла...

– Как?

Я видела, что Жене не хватает слов, чтобы выразить свое опустошение. Сказанное папой перевернуло в ней все. Она стояла, не находя слов, энергично двигая руками, смотря в одну точку, переводя взгляд на папу.

– Сейчас не время говорить с нами об этом. У нас траур. В доме горе. – пришла я Жене... Маме?... на помощь.

– Я понимаю, что у вас горе. Лучшее, что вы можете сделать – это помочь маме замолить ее прижизненные грехи.

Женя раньше меня поняла, что объяснения бесполезны. У нее в душе, наверное, что-то повернулось. Она сказала:
– Вовремя ты приехал. Мы думали, ты к нам приехал, а ты – как будто место освободилось...

Эти слова папа запомнит Жене на всю жизнь, и сохранит обиду на нее. Папа ушел на лестничную клетку курить, а мы стояли и смотрели друг на друга. Потом молча пошли в кухню. Женя не стала дожидаться, пока папа докурит. Она ушла в душ. Я сидела в кухне, снова одна, смотря на пустое место, оставленное папой и Женей. Женя вышла из душа и сразу же легла спать. На следующее утро она уехала. К Коле.

Я осталась с папой.

Папа ушел на работу. Начался еще один день. Мне итак было паршиво. Я ненавидела и боялась утра. К вечеру я немного приходила в себя, становилась нормальной. Утром Мамина смерть наваливалась на меня снова. Утро было нестерпимым. Я как будто не верила. Я просыпалась, вспоминала все. Зачем я проснулась? – спрашивала я себя и засыпала дальше. Я очень много спала. Потом приходилась вставать и с болью отмечать, что в Маминой комнате пусто, что ее вещи повсюду. Что она их больше не тронет. Сегодня было еще хуже. Разрушение, оставленное папой в моей душе было нестерпимым. Я не понимала, как, и не верила, что это произошло. Я потеряла... уважение к папе. Это терзало мой мозг и меня изнутри. Как? Это же мой папа! Папа в моем сознании отделился от папы, которого я помнила – умного,

терпимого, сильного, и я увидела человека, который сволочится на могиле. Я не верила, что это произошло. Не верила, что это мой папа.

Нам так его не хватало, мы были так рады его приезду... и тут такое... Когда Маму привезли в конце ноября, я думала, что хуже не бывает. Но потом на меня накричал Коля. Тогда я подумала, что хуже не бывает. Тогда со мной перестала разговаривать и обсуждать произошедшее Женя. И я подумала, что хуже уже точно не будет. Тогда она уехала прямо в день похорон. Тогда я подумала, что хуже точно не может быть! И приехал папа...

Я вышла обойти вокруг Морозовской. Набрала Женю.

– После того, что он сказал, я не вернусь, ты уж извини. Это ж кем надо быть... Папа, папа... Когда он пришел... я так расцвела, что ли. Пришла поддержка, Папа...

– Ага...

– А нет...

– Он продолжает каждый вечер, – сказала я. Все об этом или о бабушке с дедушкой, – подробности я ей решила не рассказывать. Ей будет больно. Она всегда знала меньше чем я. Потому что боялась того, что она может узнать и была более консервативной.

– Ужас вообще.

– У меня моральная дилемма. Я, конечно, могу попросить его уехать, но это папа...

– Ну и что, что папа, если он говорит такие вещи...

– А ты представь себя на моем месте. Как ты скажешь папе, чтоб он уехал?

– Ты слышала, что он сказал? Да никто не удивится, если ты попросишь. Хотя в чем-то я тебя понимаю.

– С другой стороны, я не могу об этом слушать. Почему так? Приехал папа, – и такое...

Женя вздохнула:

– Я не знаю...

– Тут есть еще одно – с ним я, по крайней мере, не одна... – я надеялась, что она услышит отзвук своего ухода. Все-таки папа, какой-никакой. А без него – одиночество – и я сама, получается, это выберу.

– Знаешь, мы пять лет не общались с бабушкой-дедушкой. И было нормально. Я... как-то не думала об этом. Мама важнее по-любому... Она сказала, что ей плохо, когда мы привозим оттуда вещи...

Я и сама знала ответ. Защищать Маму и Ее решения. Меня не волнует, что они могли быть ошибочными. Мне об этом не судить. Мама, кормящая нас, поддерживающая нас, заботящаяся о нас, была ближе и правее, чем кто угодно другой, который не звонил и не писал, и не предпринимал попыток встретиться. Мама была рядом.

Всё дело было в том, что у папы была очень властная ма-

ма, моя бабушка Пчёлка. И у них с мамой складывались тяжёлые отношения. Пчёлка сразу сказала Маминой маме, что Мама ей не нравится. Некрасиво. Мама ездила к ним в другой город на выходных клеить обои, по Пчёлкиной просьбе. И измождала себя этим. Пчёлка плохо отзывалась о Лене, моей сестре, не родной папиной дочери, и говорила, как её воспитывать. Маме это, понятно, не нравилось. Папа маму не защищал. Было много разных обид и поводов для обид. Потом бабушка с дедушкой вышли на пенсию, и дедушка приехал в Москву жить на полгода. И остановился у нас, в двухкомнатной квартире, где мы жили впятером. Он попросил прописаться. Мама прописала его. Сначала он жил в нашей комнате, но потом мама подумала, что негоже ему спать с тремя девочками в одной комнате, и положила его в их с папой спальне. Могу только догадываться, какой это кошмар – жить несколько месяцев с посторонним мужиком. Спустя полгода мама попросила папу, чтобы он попросил дедушку уехать. Он обиделся. Потом на семейном празднике, куда пригласили бабушку с дедушкой, бабушка Пчёлка сказала: «Ну, Ангелина же поможет нам получить квартиру». Мама была очень зла. Её терпение подходило к концу. Да, она помогала своим родителям переехать – с документами, с организацией... Но это трудно и требует много работы, почему бабушка говорит об этом вот так? Как будто это само собой разумеется, и еще с пренебрежением?

В общем, скверные отношения были у бабушки с мамой.

И, когда папа с мамой развелся, она попросила его не возить нас, своих детей, к его родителям. Потому что ей было от этого плохо. Не правильно? Я не знаю. Я устала судить. Но он перестал нас возить. И вот, 6 лет спустя, он нас в этом осуждал. Хотя они сами не писали и не звонили. Да, у них было оправдание, что они боялись наткнуться на Маму, хотя, в принципе, какая разница? Но сейчас-то уже не было никаких причин, а они по-прежнему не звонили...

– Ну не знаю... Я бы на твоём месте попросила его уехать, – сказала Женя. – Такое про Маму сказать... прямо в её доме, – было слышно, что Женя сдерживает слезы так, чтобы я не услышала.

– Тогда я останусь одна...

– Тебе решать. По-любому. Тогда скажи ему, чтоб прекратил эти разговоры.

– Тогда он будет ходить за мной по квартире со словами: «С тобой не обо всем можно поговорить. Ты что, еще не выросла. Искренность – в порядке нормальных человеческих отношений»...

– Я не знаю, что делать. Не знаю. Держись там.

Я хотела еще продолжить, сказать ей, что мне нужна её помощь в этом, попросить, чтоб возвращалась, хотя бы спросить, когда она собирается возвращаться... Но я не сказала этого.

– Буду. Ты тоже держись. Целую.

– Целую.

Я ходила по улицам, а везде были рекламы «Родители, детям без вас одиноко». Они призывали пары брать детей из детдомов. Я каждый раз заливалась слезами, когда видела эту рекламу...

Я никуда не ходила. Что я делала? Не знаю. Вечером пришел папа и принес еду. Пока я готовила полуфабрикатные пельмени, папа говорил:

– Это мамин грех и вы должны замолить его.

– Пап, у Мама с бабушкой были какие-то терки. – Мне совсем не хотелось говорить об этом, но куда деться. Я старалась объяснить ему: – В чем заключались эти терки, я не знаю. Я слышала несколько эпизодов, но все из уст Мама, а ты же знаешь, нельзя в ссоре доверять только одному источнику... И, в общем, бабушка с мамой эту проблему не решили...

– Какую проблему?

– Их ссору.

– Да не было никаких ссор, не было никаких проблем!

– Так почему же Мама запретила нам с ними общаться?

– Потому что ваша мама была неуравновешенной! Она не имела никакого права это делать! Это грех и его надо замолить!

– Не надо так о Мама.

– Да пойдй кого-нибудь третьего спроси, хоть тетю Таню! Спроси кого-нибудь взрослого, что он об этом думает! Хоть в церковь сходи!

– Хорошо, схожу. А сейчас давай есть.

Я была за честный разговор, без низких приемов и отказов что-либо объяснять. Меньше всего мне хотелось конфликтов, обсуждений на повышенных тонах, тем более с папой, с ПАПОЙ! Как же паршиво было...

Тем не менее я пошла в церковь и спросила у батюшки Александра, все как есть, без утайки: так и так, родители развелись, Мама запретила общаться. Что скажете?

– Ну так начни общаться с ними, – ответил он.

– Я... Они за эти пять лет ни разу не позвонили. И когда Мама умерла, не позвонили, и позже...

Батюшка Александр подумал и ответил:

– Если ветвь дерева отсыхает, ее обрезают.

Я поначалу успокоилась, закончила исповедь и ушла. А потом только подумала, что это высказывание можно трактовать в обе стороны: бабушка с дедушкой – засохшая ветка, которая не нужна молодому дереву, оно будет расти и без них, и мы с Женей – новая ветвь, которая отсохла, и поэтому ее срезали с фамильного древа...

Я пересказала папе только сам ответ священника. Он тоже задумался.

Но не останавливался.

После уезда Жени, пока мы курили на лестничной клет-

ке, я сказала папе, что не хочу говорить о маме. На что он мне ответил, что «Я не хочу говорить об этом» – неправильная неискренняя позиция, которая ведет к отчуждению, вообще отсутствию разговоров и разрушению близости. Поэтому приходилось с ним говорить. Почти каждый день. Он выматывал меня.

Каждый вечер – я была дома, он приходил с работы. Пока я готовила и мы ели, пока потом сидели – он говорил и говорил:

– Вы должны начать общаться с бабушкой и дедушкой.

– Слушай, пап! – не знаю, откуда у меня брались силы.

Мне внутри так было далеко и одновременно так больно – Они сами нам пять лет не звонили.

– Они боялись напороться на Маму!

– И что? Это повод? А когда у нас появились сотовые телефоны?

– Они не умеют пользоваться сотовыми телефонами.

– А я тут причем? Они и после... так и не позвонили – сказать, что сочувствуют, выразить свою скорбь.

Иногда срабатывало. И папа переводил тему. Рассказывал мне о книжке, которую прочитал, рассказывал свои идеи... Иногда не получалось, и он снова начинал про бабушку с дедушкой:

– Вам бабушка ничего плохого не сделала.

– Знаю. Я и не говорю, что сделала.

Бабушку с дедушкой представляла бабушка. Она была

сильнее дедушки. Папа словно прочел как-то эти мои мысли и сказал:

– Не надо думать, что дедушка не думает так же. Просто его папа... – он задумался, говорить мне это или нет, – очень сильно кричал на его маму, и он дал себе слово, что никогда не будет кричать на женщину. Оттого он кажется мягким, но это не так.

– Хорошо, – мне было все равно, кем кажется дедушка, а кем является. Я не собиралась общаться с ними.

– Ты должна позвонить бабушке и вы должны снова начать общаться.

– Слушай, ей самой-то это нужно? Мне кажется, нет. Она ни разу не позвонила, ни разу.

– Она боялась натолкнуться на маму.

– А я тут причем?

И так, пока мы не ложились спать. А на следующий день сначала:

– Почему вы не общаетесь с бабушкой и дедушкой?

– Нам Мама запретила.

– А у меня всегда было свое мнение. Я вырос на улице, и никто мне дерьма в уши не лил. И если бы мне запретили общаться с бабушкой, я бы плюнул на этот запрет!

– Я тебя понимаю.

– А у тебя... есть своя голова на плечах?

– Есть.

– Я вижу, что нет.

– Не надо так.

– Иначе бы ты общалась с бабушкой.

– А, может, бабушка, сама может решать за себя, хочет она общаться с внуками или нет. С ее стороны что-то желания не видно было.

– Я же говорю, – ответил папа, – она боялась натолкнуться на маму...

– И что?

И дальше аргументы шли по кругу.

Таким склочником оказался мой папа... Я и не думала, что взрослые могут быть такими детьми... Все вокруг оказались жестокими равнодушными детьми... Вдруг.

Я ждала от папы... сочувствия, понимания, разделения моей скорби... а у него только одно было в голове – бабушка! Вот о ком мне точно не хотелось говорить и думать, так это о ней – ее не было в моей жизни слишком давно, а еще она сильно ссорилась с мамой – мне не хотелось ни звонить, ни даже думать о ней.

– Как может мать запретить ребенку общаться с мамой папы? Это же нонсенс! Это грех!

– Послушай, мамы часто запрещают детям общаться с кем-то. «Не общайся с Васей, он плохой». «Не общайся с этим человеком, он пьяница» или «Эта бабушка выведы-

вает семейную информацию»...

Папа задумался.

– А что если твой муж запретит твоему ребенку общаться со мной?

– Я с ним поговорю. Я ему не позволю.

Папа задумался.

– Как вы можете! Это ваши родные бабушка с дедушкой!

– Пап, бывают папы пьяницы и уголовники, родные папы. Они исчезают на 3 года, на пять, на больше, а потом объявляются и дети не всегда хотят общаться с ними, с родными папами, какое там бабушка с дедушкой...

Папа задумался.

Но, видно, что-то грызло его изнутри, только я не замечала. И он начинал снова.

– Мама сделала вас заложниками своих отношений с бабушкой.

Слушай, хватит. Это отношения бабушки с Мамой, и если бабушка их не решила, это ее проблемы. Сейчас уже поздно.

– Ваша мама была неадекватной!

– Не смей так о Маме!

– Но это правда!

– И что? Зачем ты приехал? Говорить мне эту правду? Я думала, ты согреешь меня, утетишь, а ты только сканда-

лишь.

– Вы должны это знать.

– У меня горе, папа. Меня это все не волнует. Зачем ты...

– Ты придираешься а) к форме, б) к месту. Ты не придираешься к смыслу того, что я говорю. Тут тебе сказать нечего.

– Это потому, что мне сейчас ни до чего. Мне плохо.

– Ты знаешь, что ваша мама подошла на похоронах дедушки к моему отцу и попросила, чтобы он уехал? И прокляла его, мою маму, и всю его семью!

– Теперь знаю.

– А Лина тут вообще причем?

– Послушай, у Мамаы умер отец, ее уволили с работы, ты ушел... ей было очень погано...

– То есть ты ее защищаешь?

– Конечно, я ее защищаю. Ты хоть представляешь, как ей было плохо?!

Не знаю, что отражало мое лицо. Явно не ту пустоту и черную яму, которая была во мне, иначе бы папа меня обнял и согрел, а не выплескивал бы на меня свою истерику.

Я смутно понимала – ему было плохо. Ему было тяжело и тоскливо от смерти Мамаы. Он искал выхода своей боли. И находил его, выливая бессильную ярость на свою дочь.

Он говорил монологами. Я вставляла слово только когда

не могла сносить, не могла держать его.

Я тогда ночами не спала. Находила разные дела.

– Зачем ты приехал? Какая была цель? – спрашивала я папу.

– Ну я подумал, что, чем снимать квартиру, лучше я буду дочери отдавать эти 20 тысяч.

– Можно я буду спать в маминой комнате? – спрашивал папа.

– Нет, лучше спи здесь. – После всего, сказанного папой, я не хотела, чтобы он даже входил в Мамину комнату, как будто он осквернял ее. Но так и было. Он осквернял память о Маме.

– Почему?

– Потому что это тяжело. Мама там умерла.

– Ладно, буду спать здесь.

После того, как папа потерял уважение с нашей стороны, и я отвечала ему в его высказываниях, наши отношения превратились... в равные, что ли. Мы оба были на равных в опустошенности этой квартиры, в нашем разном одиночестве, в нашей любви в этом кошмарном, лютом феврале боли. Мы с ним плыли в этой когда-то онемевшей квартире через ободранные, загрубевшие дни, радостные от того, что мы вдвоем, терзавшиеся от того, что мы вдвоем. Папе, конечно, бы-

ло удобно жить со мной, но не это привело его сюда. Мама связывала нас. Наша общая тоска. Наш вой. Наш плач. Наша безысходность.

– Я в жизни никому ничего плохого не сделал. Моя мама не сделала ничего плохого вашей Маме. Мои родители всю жизнь нам – и вам – помогали. Знаешь, времена, когда мы книги относили в букинистический отдел, настолько не было денег – мои родители вечно присылали что-нибудь.

Я вспомнила, как Мама рассказывала про свою поездку к папиным родителям. Бабушка тогда в разговоре между делом достала упаковку фарша и положила в миску пуделю Вернеру. У Мамы свело желудок. От жалости к своим детям, которые голодали у нее дома.

– А мамина бабушка, кстати, – вспоминал папа, – постоянно напоминала мне про молоко. Я ей тысячу раз говорил, что не пью кофе с молоком, что не перевариваю его и у меня идет от него сыпь, но она каждый раз, зная это, предлагала мне молоко.

– Она просто хотела быть вежливой и предложить все, что есть.

– Нет, она делала это специально! – сказал папа и ушел курить.

К моей бабушке не в чем было придраться. Вот только к этому, наверное. Если бы папа сказал хоть раз бабушке,

что это его достало, она бы каждую их встречу извинялась по несколько раз и просила бы всех родных объяснить ему, что она не специально и передать извинения. Вот уж кто в жизни не сделал и не помыслил зла. Это Мамина мама.

– Ваша мама так и не сказала никому про развод. Вечно она что-то скрывала. Я даже иногда находил ее записки.

– Она просто хотела позаботиться о нас. Вдруг что – были бы деньги. Она бы тебе сказала о них, когда они бы понадобились. Бережливость – в женской натуре.

– Она постоянно что-то скрывала. Ты даже не знаешь ее тайн, оооо... – просмаковал папа.

Меня слегка покорило.

– И если бы я пришел на похороны, было бы слишком много вопросов, удивления. Все бы подходило. Я поэтому и не пришел на похороны. Мне там просто нечего делать.

– Не говори так. Похороны не для того устраиваются. Они устраиваются, чтобы проститься...

Я уже ложилась спать.

Папа снова говорил о своем:

– ... и поэтому я не пришел на похороны.

– Ты не поэтому не пришел.

– А почему?

Я не ответила.

В следующий раз ужин был готов до папиного прихода. Я ушла гладить папины рубашки. Я и в детстве любила их гладить – тогда это было выражением любви к папе.

Когда я была маленькой, я никогда не засыпала, пока папа не придет домой. Я лежала и ждала, пока в коридоре не зажжется свет и не послышится папин голос. Я не специально так делала. Просто я не могла заснуть, пока он не придет. Бабушка, папина мама, это заметила и решила, что я люблю папу больше, чем Маму. Некоторые любят такие неадекватные формулировки. Думаю, если бы Мамы не было дома, я бы тоже не легла, а плакала и теребила сестру и папу, когда же Она придет. Но Мама, слава Богу, всегда была дома, а папа работал допоздна.

Я вообще очень любила своих родных. Женю, Лену, папу и Маму. Главным словом моей жизни в детстве было семья. Наверное, это ненормально. Но я умела ценить то, что имела.

Сейчас глажка папиных рубашек не доставляла мне большого удовольствия. Их было очень много. Но и не напрягала. Я была так отстранена от рубашек... и от радостей, которые раньше согревали меня.

Папа пришел в комнату и сел на Мамину кровать.

– Папа, пожалуйста, встань.

– Почему?

– Прямо на этом месте умерла Мама.

– И что?

– Ну пожалуйста.

Папа встал и сел в кресло, в котором обычно на всех праздниках сидела Мама. Я ничего не сказала. Ладно.

– Вы должны начать общаться с бабушкой.

– Пап, мы это уже обсуждали.

– И что? Ты ей не позвонила.

– И не буду. Она мне не позвонила, когда у меня горе.

– Мама совершила грех. И вы должны его замолить.

Я осмелела:

– Так может мы и твои грехи замолим?

– У меня нет грехов.

Я даже удивилась:

– Как это? У всех есть грехи.

– Я в жизни никому не сделал зла. Я безгрешен.

Очень хотелось рассмеяться. Но это сильно ранило бы папу. Хотелось напомнить ему, как плохо он сделал Маме, когда ушел. Жене и мне, которые этого так и не пережили. Но это ударило бы его. Думаю, в глубине души он и сам об этом знает, но спрятал это глубоко, потому что даже мысль об этом сбила бы его с ног.

– Да? – ответила я. – Это абсурд. У всех есть грехи.

– Нет. Я безгрешен.

Даже богохульно так думать. Интересно, что Бог подумал бы по этому поводу? Я выключила утюг и пошла на лестничную клетку курить. Папа вышел со мной.

– Они вам ничего плохого не сделали.

– Да, не сделали.

– Так почему же вы с ними не общаетесь?

– Пап, мы это тысячу раз обсуждали.

– Ну ответь, почему.

– Потому что Мама нам запретила.

– А своя голова у вас есть?

– Есть, – ответила я. И про себя добавила, – и своей головой я тоже не хочу с ними общаться.

– И что?

– Нет, пап.

Тут Папа довел меня до истерики. И после этого я стала уходить по вечерам.

Я выходила, ходила свои круги вокруг Морозовской, которые стали привычными, думала. Что я чувствовала к бабушке с дедушкой? А что можно чувствовать к людям, которых не видела пять лет? Нет, мы видели их, конечно. Летом когда-то я даже была у них – пообщалась с крестной, увидела своего нового двоюродного братика, и больше не звонила им. Не помню, зачем поехала тогда. У нас были родственники в других городах, их я не видела тоже уже несколько лет. И ничего. Ничего такого я не чувствовала. Зла на них не держала. Я знала, что что-то было между Мамой и бабушкой – не одна ссора, а очень плохие отношения. Знала их поступки, но в любом случае была на стороне Мамы. Но ситуации до конца я не знаю. И неважно уже это.

Я не помнила ясно выраженного запрета общаться с бабушкой и дедушкой. Насколько я знаю, Мама попросила папу не возить нас к ним, и передать им, чтоб не звонили. Он все сделал. Нас она попросила не приносить от них вещи потому, что ей от них плохо. И это все. По-моему, не было запрета. Я поделилась с Женей, и она сказала, что запрет был. Но я этого не помню. Папа заставлял меня думать о том, о чем я давно не думала, о чем не требовалось думать. Да, мне было четырнадцать, а Жене шестнадцать, когда родители развелись. Но мы все-таки были детьми и, понятно, нам Мама ближе, чем бабушка. Нам запретили общаться. Мы перестали. Понятно, своя голова на плечах есть, но эта голова – две головы – выбрали Маму. По мне, эта ссора, эта проблема – была между Мамой и бабушкой. И если Мама или бабушка не захотели ее решить – я уже ничего не могу сделать. По мне, если бы вот так моя... эээ... Как это называется? Жена моего сына запретила мне общаться с внуками, я бы пошла и поговорила с ней, один, второй, третий раз. Если бы она оказалась совсем невменяемой, после 10 разговора с ней я бы подождала детей после школы или института и объяснила бы им, что их мать запретила нам общаться, но их мать важнее. И что они ни в чем не виноваты, просто так получилось. И что они всегда могут положиться на меня, обратиться за поддержкой или помощью.

Бабушка этого не сделала. Она не решила проблему с Мамой, а теперь уже не решит. Я не могу ей помочь. С моей

стороны это было бы предательством Мамаы.

В институте люди не замечали перемены, или не хотели замечать. Трудно судить. Я нечасто бывала в институте. Я поздно просыпалась. Я не делала домашнюю работу. Я ходила только на пары, на которые могла, иногда разворачивалась, не доходя до университета, и шла домой. Или гулять. Я много гуляла тогда. Каждый приход домой был ударом – свет в коридоре и большой комнате тыкал мне в лицо пустоту квартиры.

Я ненавидела людей. За то, что они живы. И за то, что они не со мной.

Если папа не говорил про бабушку, он говорил про Мамау. Как она его не ценила, что ему устраивала.

– Видишь ли, доча. Я зарабатывал деньги, мне было трудно... – про себя я думала о всей невероятной куче дел, которые Мамае приходилось делать. Я не отрицаю папин труд. Он действительно вкалывал, чтобы в девяностые, в начале нового века поставить на ноги двоих детей. – Я приходил домой и хотел покоя, хотел тепла, спокойствия... Поначалу так и было. Мы с мамой так счастливы были первые десять лет, ты не представляешь... – папа на две секунды отвлекся, – а потом – что-то сломалось...

– Почему ты не захотел это починить?

– Я хотел. Я, в принципе, неконфликтный человек, я

не хотел поддаваться ругани... но погодой в доме заправляет женщина.

– Как так? А я думала, двое.

– Нет. То есть, двое, конечно, но больше женщина. Мужчина – что, ему надо поесть, поспать, женщину рядом, а женщина – тонкая... она направляет мужчину. От женщины зависит, чувствует себя мужчина мужчиной или нет. Я приходил домой, и вместо тепла получал разговоры о моей маме, о каких-то проблемах, о каких-то делах, все это перерастало в ссоры... – папа начинал заводиться, – и она еще говорила мне о моей маме! Что якобы та хотела разрушить наши отношения, меня увести. Да зачем ей это нужно?!

Я готовила еду и вспоминала ту осень, когда папа ушел. Они постоянно ссорились. Я запомнила свое детство, как счастливое, но если быть честной с собой, я помню, как мы сидели, пришибленные, не в силах отвлечься от ссоры Мама с папой, которую мы слышали за стеной. Слова не всегда были различимы. Иногда доносилось «Давай не при детях» – и все начиналось сначала.

Я вспомнила, как когда-то, в детстве, когда мне было лет десять, мы ехали с семейного праздника в машине – со светлого семейного праздника, от веселой румяной бабушки, вкусной еды, родных в праздничных костюмах, и Мама с папой начали ссориться уже в машине. Я не помню, о чем они ссорились. Я помню эту длинную дорогу. Какое-то время я смотрела то на озлобленное лицо папы, то на расстро-

енное лицо Мамы. Мы с Женей обнялись на заднем сиденье, и крепко прижали друг друга друг к другу. Потом легли на заднее сиденье лицом к лицу, чтобы родители не видели наши слезы, и плакали. Мне не было больно тогда. Чувства мне отшибло до этого, наверное, когда я впервые услышала их ссору, не знаю. Я была полностью закрыта, я бы сказала, даже отморожена. Я с трудом и не сразу реагировала, и ничего не чувствовала.

И все же нельзя уходить так, как папа ушел. Я пришла домой – из школы, или из музыкальной школы, Мама, взволнованная, как струна, стояла в дверях их комнаты, а папа с сумкой, полностью одетый, собирался выходить. Я прервала их на полуслове – дверь уже была открыта.

– Пошли, покатаемся, – сказал папа.

Я посмотрела на Маму. Она молчала и смотрела на меня. Не знаю, кивнула ли она, или я послушалась папу, но я вышла вслед за ним. Я не понимала и не знала, что произошло, только чувствовала это.

В машине папа сказал, что ушел. Что поживет сначала у родителей, потому где-нибудь еще. Потом, может, вернется. Он не предупредил Маму, он просто собрал вещи и ушел. Я не знаю, как это было.

Папа остановил машину, и мы вышли. Мы долго ходили по холодным переулкам, и папа рассказывал мне историю своей жизни. Про то, как преподавал в МИЕМе, про то, как

познакомился с Мамой, о его жене до этого. Про то, как они закладывали свои книги. Про то, как после этого какое-то время Мама получала больше него. Про то, что кормить семью стало нечем. Про то, как он бомбил по вечерам, уже после работы, как ушел с любимой работы и пытался продавать проволоку с друзьями...

Я слушала. Что я могла ответить? Я не понимала, почему мне папа это рассказывает – я не могла его понять. И мне было тяжело от этой информации. Я не хотела этого знать. По крайней мере, так рано. Мне было очень тяжело. Я была свидетелем папиного искреннего разговора с собой, какие бывают только с собой, наедине. И в то же время он говорил это мне, но другой, той, которая была гораздо старше, которая становилась гораздо старше, слушая его. Он говорил это Дочери. И этой дочерью оказалась я.

Потом он привез меня домой. Не помню, как мы были с Мамой. Женя тогда была по обмену в Америке.

За пару дней я привыкла, что папа не приходит домой, что он больше не живет с нами. Я удивилась этому, но это уже произошло. Маме было очень плохо. Через несколько дней у нее умер дедушка.

Папа тогда приехал домой. Разделся до трусов даже, как всегда. Рассмешил меня. Смеясь, я открыла дверь потрясенной заплаканной Маме.

– Ты что, не сказал ей?, – спросила Мама.

Папа ответил что-то неуверительное в ответ.

– Дедушка умер.

Я перестала улыбаться и смотрела на Маму. Мне стало немного грустно. Я обняла Маму. Она заплакала. Только тогда меня ударило пониманием того, что у Мамы умер ПА-ПА. Я разрыдалась так, как никогда до этого в жизни. Я поняла ее горе.

Когда Женя приехала тогда, у нас был семейный ужин вчетвером в честь ее приезда. Она была радостной и вся сияла, рассказывая нам об Америке. Мама была откровенно подавлена, но умело скрывала это от Жени, то ли Женя была увлечена и не замечала этого. Папа был грустен и задумчив, и радовался за дочь. Я сидела напротив Жени и слушала ее рассказ. Трагический семейный ужин. Женя еще ни о чем не знала. Я смотрела на нее. Мне хотелось защитить ее от того, что она сейчас услышит и узнает. Мама и папа в этом были нам врагами. Они ломали нас и наше доверие, и нашу нежность к жизни. И было еще что-то злорадное. Я как будто смотрела, как сейчас любитель насадит на иголку бабочку – и только смотрела, как будто в этом есть что-то забавное... Мы сидели втроем, как стервятники, а Женя расцветала в своей радости дальних путешествий и воссоединения с семьей, которую у нее сейчас отнимут.

– Жень..., – прервала Мама Женин рассказ, – у нас кое-что случилось... – я смотрела на Женю и на Маму, но больше на Женю. Мне было интересно, и у меня обрывалось серд-

це, – дедушка болел, болел... болел, болел...

Женя испугалась и у нее расширились глаза.

– Он... умер? – шепотом спросила она.

– Да, – кивнула Мама.

Женя зарыдала, у нее изменилась каждая черточка. Радость как ветром сдуло. Она не заслужила этого. Женя заливалась слезами, проглатывая рыдания, а я, Мама и папа сидели и смотрели в пол. Я нажала на запись на диктофоне, который Женя мне привезла из Америки...

Ее рыдания разрывали меня. И сейчас разрывают. Я рыдаю, хотя не плакала уже несколько недель. Женя... солнышко мое!.. За что тебе такое?.. Почему тебя должны были подкосить, оборвать, согнуть?.. Почему тебе должно было быть плохо?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.